

Лит. Россия, 1986-1987



А. П. Чехов называл себя одним из ревностных читателей Лейкина и — более того — назвал писателя Лейкина своим «литературным батюшкой».

Уже первые сатирические очерки Н. А. Лейкина обратили на молодого писателя всеобщее внимание. Сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин нанес неожиданный визит растерявшемуся Лейкину, служившему тогда приказчиком на жалованьи в 25 рублей в месяц, и пригласил начинающего литератора от имени Н. А. Некрасова и своего сотрудничать в «Современнике».

Вниманию читателей предлагается одна из сатирических зарисовок писателя.

Н. А. ЛЕЙКИН

Перед памятником Пушкину

Москва. День открытия памятника Пушкину. Время под вечер. Накрапывает дождь, а на площади, против Страстного монастыря, около декорированного щитами памятника Пушкину толпы народа. Памятник обходят со всех сторон, осматривают его детали, читают надписи на щитах декораций. Идут толки, разговоры; слышны рассказы, доходящие до невозможной утрировки. Каждый молодец толкует на свой образец. Публика самая разношерстная.

— Вот и не министр, и не князь и не граф, а, смотри, какой монумент ему воздвигли! — произносит длиннополой сюртук в плюшевом цилиндре и с кончиком красного фуляра, торчащего из заднего кармана.

— Значит, он из простых? — спрашивает армейский солдат.

— Нет, не из простых, барин он, а только даже и главнокомандующим не был.

— Это в состав не входит, что он не князь и не граф, а, значит, все-таки действовал, коли уж ему памятник поставили, — вмешивается в разговор мастеровой-чистяк и поправляет на голове картуз с глянцевым козырьком.

— Из писателей был, и больше ничего, — поясняет сюртук. — В книжки писал.

— А ты думаешь, писателем-то легко быть? Тоже ой-ой! Господи благослови! — слышится козловатый голос. — Иной раз вон письмо в деревню написать придется, начнешь перебирать родственников, думаешь путное что выдет, а на поверку — грамота, по которой слон брюхом ползал, и ничего не разберешь.

— Купец, а купец! Ты о писателях-то толкуй, а платок свой все-таки береги! Здесь живо из кармана выудят! — окликает длиннополой сюртук баба в кацавейке и дергает его сзади за фуляр, торчащий из кармана.

— А вот мы ему сейчас место найдем понадежнее, — дает ответ сюртук и накрывает платком свою плюшевую шляпу. — Ворс на шляпе целее будет, — прибавляет он.

— Вы говорите, из простых писателей этот самый Пушкин? Так-то оно так, но и простым памятники ставят, — присоединяет свой голос борода клином.

— У нас же в Москве даже есть такой один. Возьми, к примеру, Минина... что он? Купец, и больше ничего, без всякого чина, а и ему памятник поставлен.

— Так что ж что купец? Уж будто купец, так ему и памятник ставить нельзя, — обижается сюртук. — Дура с печи! Ведь он Россию спас.

— Про то я и говорю. Ты вот никого не спасал, так тебе и не поставят. Брюхо в квартире чаем ты наливал, это верно, а спасать — никого не спасал. А вот купец Минин спас, так его за это и с князем рядом в памятнике поставили. С князем Пожарским он рядом стоит-то. Шутка! Вот ты и учти.

— А Пушкин нешто спасал? — доносится откуда-то вопрос.

— Говорят тебе, что он писатель и писал про Россию. Восхвалял ее — вот ему и поставили памятник. Да еще какое торжество-то! Со всех сторон родственники его съехались. Всех

их пригласили в Москву. «Милости, мол, просим к нам посмотреть, как мы вашему сродственнику памятник ставить будем». Ну, и съехались. Сколько их теперь по Москве-то с белыми бантами на фраках гуляет! Страсть! И всех их поят и кормят даром.

— Почет! Ничего не поделаешь. Только неужто все эти депутаты с белыми бантами пушкинские родственники?

— Все до единого. Кто внук, кто племян, кто в сватовстве приходится, ну, некоторые — кумовья, а то так кумовьев дети, а чужих никого. Да и зачем же чужих потчевать.

— И все сродственники его тоже из писателей?

— Да, из писателей. Ведь оно так всегда бывает. Возьмем купца: отец купец, и сын купец, и внук купец, и племян торговец. Редко уж кто в другую нацию перешагнет. Таким же порядком и у писателей. Прежде еще из купеческих детей некоторые в чиновники сбегали, а теперь как начали купцам мундиры да орден за приютское пожертвование давать — и купеческие дети на подбор все в купцах сидят; потому так-то оно лестнее: торговлей капиталы вышибаешь и по чиновничьему облику величаешься.

— А у писателей еще крепче. Там ежели дед писателем был, то и внук уж с своего писательского места не сойдет. Вот тут они все под значками и стояли, давеча, когда памятник-то открывали...

Дождь начал учащаться.

— Однако памятник памятником, а дождь дождем, — сказал сюртук. — Вишь, как мочить начало! Посмотрели и будет. Забираться в трактир. Успеем еще на памятник-то наглядеться, при нас он останется, куда его из Москвы не увезут. Ну-ко, баба, идем! — окликнул он жену. — Да где ты?

— Я здесь, Митрофан Иванович, — откликнулась жена.

— А коли здесь, то давай сюда руку, а то растеряться можем. Эво толпа-то!

Сюртук берет жену за руку и начинает протискиваться от памятника через толпу, переходя площадь.

1881 г.

Публикация
В. СУРМИЛО